

«Египетская тьма»: книга Премудрости
Соломоновой в стихотворном переложении
В.А. Жуковского

© Д.В. ДОЛГУШИН,
кандидат филологических наук

В статье реконструируется биографический контекст стихотворения В.А. Жуковского «Египетская тьма», анализируется поэтика этого стихотворения в сопоставлении с 17 главой книги Премудрости Соломоновой, переложением которой оно является.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Библия, русский романтизм, церковно-славяно-русские паронимы

DOI: 10.31857/S013161170003001-0

The article reconstructs the biographical context of V.A. Zhukovsky's poem «Egypetskaya tma», analyzes the poetics of this poem in comparison with the 17th Chapter of the book of Wisdom of Solomon, the arrangement of which it is.

Keywords: V.A. Zhukovsky, Bible, Russian romanticism, Church Slavonic-Russian paronyms

Интерес первого русского романтика к библейской книге Премудрости Соломоновой в середине 1840-х гг. был устойчивым и постоянным. Об этом свидетельствует, в частности, одна из рукописей Жуковского этого времени — сделанные им выписки из Библии, собранные в единый текст — так называемый «катен», «цепь», состоящую из библейских цитат [1. С. 460–464]. Чаще других в нем встречаются цитаты именно из книги Премудрости. В 1846 г. Жуковский сделал стихотворное переложение 17 главы этой книги [2. С. 264–266] и опубликовал его под названием

«Египетская тма» в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 г.». Чем же привлекла Жуковского эта книга?

Она появилась на рубеже древней и новой эры в Александрии Египетской — крупнейшем мегаполисе античного мира, прославленном центре эллинистической культуры, в котором традиции ветхозаветной религии и древнегреческой образованности входили в соприкосновение друг с другом. Написанная на греческом языке, книга Премудрости давала своим читателям ответ на вопрос, особенно волновавший людей эллинистической эпохи: как научиться «искусству жизни» [3] и достичь счастья?

Жуковского этот вопрос занимал еще с юношеских лет. В зрелую эпоху своего творчества он развивал теорию о том, что счастьем является соединение небесного и земного, которое достижимо только на минуту, в «чистые мгновения бытия» [4. С. 223], когда при встрече с прекрасным душа ощущает «присутствие Создателя в созданье» [Там же. С. 130]. Мгновения эти скоротечны. Они похожи на звезды, сияющие в темном небе, или на фонари, горящие на ночной улице [5]. Фонари не могут полностью рассеять мглу ночи. Счастливые мгновения не могут длиться долго. Однако, промелькнув, они исчезают не совсем: от полного уничтожения их спасает воспоминание. Секрет счастья заключается в умении хранить память о «чистых мгновениях бытия».

Эта концепция счастья породила в лирике Жуковского 1810 — первой половины 1820-х годов целую систему мифопоэтических образов. К их числу относится образ завесы — «покрывала», плотно отделяющего «темную область земную» [4. С. 223] от светлой области небесной. Завесу эту иногда и на мгновение распаивает существо, которое Жуковский в одних стихотворениях называл «ангелом» [Там же. С. 24–25, 232–234], в других — «гением чистой красоты» [Там же. С. 223], «таинственным посетителем» [Там же. С. 239–240], «мимопролетевшим гением» [Там же. С. 147–149], «Лаллой Рук» [Там же. С. 222–224]. Едва появившись на земле, существо это исчезает, оставляя на темном небосклоне жизни «прощальную звезду» воспоминания, через которую небесный свет продолжает нисходить на землю. Эту систему образов Жуковский однажды назвал «философией Лалла Рук» [6].

Образы и мотивы «философии Лалла Рук» оказались близки образам и мотивам 17 главы книги Премудрости, содержащей в себе истолковательный (по типу древнееврейского мидраша) комментарий на 21–23 стихи 10 главы библейской книги Исход, в которых описывается одна из казней египетских — тьма, на три дня охватившая Египет из-за нежелания фараона отпустить израильтян из рабства [7]. В книге Исход об этом событии рассказывается довольно кратко: «И сказал Господь Моисею: простри руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня; у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их» (Исх. 10: 21–23) [8].

Как видно по этой цитате, в книге Исход египетская тьма описывается как явление по преимуществу физическое, внешнее. Ее вещественный характер подчеркнут указанием на то, что она была «густой» и даже «осязаемой» — то есть ощутимой на ощупь. В книге Премудрости о той же тьме говорится как о тьме внутренней, духовной, от которой нельзя спрятаться (Прем. 17: 2–4) потому, что она окутывает человека не только извне, но и изнутри. Египтяне, согласно этой книге, были мучимы не столько отсутствием освещения, сколько страхом и унынием, поселившимися в их сердцах (Прем. 17: 14). Для этих чувств не было внешних оснований — страшилища и привидения, которые, как казалось египтянам, обступили их в ночном мраке, на самом деле не существовали. Настоящей причиной охватившего египтян смятения была не внешняя угроза, а внутренняя беда — беспокойная совесть и неверие в «вечный Промысл» (Прем. 17: 2), которые и рождали в их душах ужас, лишали разума и надежды (Прем. 17: 11–12): «осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы» (Прем. 17: 10) [8]. Тьма распространилась на египтян (Прем. 17: 20) потому, что они уже были помрачены своими грехами, «сами они для себя были тягостнее тьмы».

Перелагая эту главу в стихи, Жуковский достаточно точно следовал библейскому тексту, однако в некоторых местах расставлял определенные смысловые акценты. Чтобы их выявить, необходимо сравнить стихотворение Жуковского с церковнославянским текстом Елизаветинской Библии [9], с которого он делал свое переложение, но при этом учитывать, что в процессе работы поэт мог сопоставлять церковнославянский текст с французским [10] и немецким [11] переводами, имевшимися в его библиотеке (данная стратегия уже была использована Жуковским в 1844–1845 годах, когда он переводил с церковнославянского Новый Завет) [1. С. 482–486].

Обратим внимание прежде всего на то, как Жуковский переложил первый стих 17 главы. В этом месте Елизаветинской Библии говорится о египтянах как о «ненаказанных» (то есть «ненаставленных», «ненаученных») душах, которые «заблудились»; Жуковский же в своем переложении ведет речь о «нечестивых», которые, по суду Божьему, оказались ввержены в «помешательство».

Елизаветинская Библия	Стихотворное переложение Жуковского
Велицы бо суть суди Твои, Господи, и неизглаголанн: сего ради ненаказанны души заблудиша [9].	Велик, неизглаголанно велик Твой суд, Господь! Он в помешательство ввергает нечестивых [2. С. 264].

Перевод «ненаказанны» — «нечестивые» не имеет основания в церковнославянском тексте. Французский текст [10] («les âmes sans science» — «ненаученные души») также не может объяснить такого переводческого

решения. Зато можно предположить влияние второго стиха 17 главы немецкого текста, в котором египтяне называются «die Ungerechten» («не-праведные») или того же стиха церковнославянского перевода («беззаконнии»). Трактовка Жуковского не искажает смысла подлинника, т.к. автор книги Премудрости, используя слово «ненаученные» («ἀλαίβευτοι» [12]), имел в виду языческое неведение египтян, их ненаученность библейской вере, то есть, по сути, нечестие.

Влияние немецкого текста сказалось и на переводе цсл. «заблудиша». Жуковский долго колебался в поисках соответствия этому слову. Судя по черновой рукописи, сначала поэт склонялся к тому, чтобы сохранить исходный глагол и передал это место так: «Он в заблуждение ввергает нечестивых», однако затем зачеркнул слово «заблуждение», исправив его на «искушение» [13. Л. 11]. В авторизованной копии, сделанной рукою секретаря Жуковского В.Я. Кальянова, читается уже окончательный вариант: «Он в помешательство ввергает нечестивых» [14. Л. 2]. К этому варианту Жуковский, очевидно, склонился под влиянием немецкого текста, где египтяне называются «die törichten» — «безрассудные», «безумные» (Прем. 17: 1).

Нужно сказать, что в первой половине XIX века слово «помешательство» понималось иначе, чем сейчас. И в академическом словаре 1789—1794 года [15], и в академическом словаре 1847 года [16] в качестве его первого значения указывается «препятствие, помеха» (т.е. то, что мешает) и только лишь в качестве второго — «расстройство, повреждение ума; сумасшествие». В стихотворении Жуковского слово «помешательство» одновременно обозначает и внешние препятствия, окружившие египтян из-за начавшейся тьмы, и помрачение их рассудка. Оно включает в себя понятие заблуждения — в смысле ошибки, обмана (ср. французский перевод, в котором указывается, что египтяне «se sont égarés» — «обманулись»), но значительно усиливает его. Помешанный, сумасшедший человек настолько «заблудился», что не может видеть подлинной реальности, он находится в плену у мнимости. Таковы египтяне. В переложении второго стиха 17 главы Жуковский прямо называет их «безумцами», а потом несколько раз употребляет по отношению к ним глагол «мнить» в значении «обманываться».

Так, в переложении третьего стиха он пишет о том, что египтяне «мнили» «укрыться от вечной мудрости» «под мрачной пеленой забвения» [2. С. 264]. Эти слова интересны не только своим акцентом на безумном нечестии египтян, но и тем, что, полностью соответствуя библейскому оригиналу, они в то же время соответствуют поэтическому языку Жуковского периода «философии Лалла Рук». Только теперь, в «Египетской тме», поэт использовал привычные для него образы для описания мира, диаметрально противоположного миру этой философии.

Как мы уже говорили, в лирике периода «философии Лалла Рук» часто встречается образ распахивающейся завесы — здесь же завеса («мрачная

пелена забвения») намеренно сомкнута. В «философии Лалла Рук» «гений чистой красоты» появляется на земле, чтобы открыть небо, — здесь же египтяне скрываются от неба; в «чистые мгновенья бытия» сияет небесный свет — здесь же господствует мрак; в «философии Лалла Рук» душа живет воспоминанием о таких мгновениях — здесь же египтяне стараются обо всем забыть; через звезды, засиявшие в «чистые мгновенья бытия», на землю проникает небесный свет — здесь же тьма не пропускает его: «и звезды не могли / Рассеять мглу густой их ночи» [Там же], — пишет Жуковский в переложении третьего стиха 17 главы. В мире «философии Лалла Рук», господствует вера, а потому — упование и надежда; в мире «египетской тьмы» — безверие, а потому — тревога, переходящая в панический страх. Именно тревога и страх населяют Египет воображаемыми страшилищами. Египтянам мнится, что во тьме их окружают какие-то ужасные существа: «шумы же сходяще возмущаху их, и привидения дряхлая печальными лицами являхуся» (Прем. 17:4) [9].

Жуковский уделил особое внимание переводу данного места. Сначала он написал в черновике: «И дряхлые с лицом печальным тмы / Глядели им в глаза» [13. Л. 11]. В авторизованной копии читается другой вариант: «И дряхлые с лицом печальным мертвецы / Смотрели им в глаза» [14. Л. 2]. В печатном тексте 1847 г.: «И дряхлые призрак с грустным ликом / Смотрели им в глаза» [17]. Не совсем понятно, какой из двух последних вариантов следует признать окончательным (авторизованная копия, содержащая в себе, кроме «Египетской тмы», полный текст стихотворения «Четыре сына Франции», датируется 1852 годом и относится, таким образом, к времени более позднему, чем публикация 1847 года). Существенно, что во всех этих вариантах присутствуют мотивы печали и «дряхлости». Последний из них требует особого пояснения.

Слово «дряхлый» является церковнославяно-русским паронимом. В современном русском языке оно означает «слабый, немощный от старости» [18]. Однако исходное, церковнославянское значение этого слова иное — «опечаленный», «смущенный», «унылый», «угрюмый», «мрачный» [19, 20, 21, 22] (ср. «scheußliche» немецкого и «affreux» французского текста — «отвратительный», «ужасный»). Это значение было хорошо известно Жуковскому, и он никогда не ошибался при переводе лексемы «дряхлый» с церковнославянского на русский язык в Новом Завете (ср. Мф. 16: 3; Мк. 10: 22; Лк. 24: 17 [1]). Не став заменять в «Египетской тме» пароним «дряхлый» на другое, более однозначное слово (например, вместо «дряхлые призрак» — «мрачные призрак», что вполне укладывается в размер), Жуковский сознательно пошел на то, чтобы в восприятии читателя смысл этого места двоился, лишился однозначности и «на перекрестке» русского и церковнославянского значений создавался странный и запоминающийся образ мрачных и «немощных от старости» привидений. Видимо, со стремлением сделать этот образ менее противоречивым связана

замена стиха «и мрачные призраки с грустным ликом» издания 1847 года на стих «и дряхлые с лицом печальным мертвецы» авторизованной копии 1852 года: быть «немошным от старости» более естественно мертвецам, чем призракам.

Еще один необычный образ того же ряда — это страшные и таинственные огни, чудившиеся египтянам во мраке: «являшеся же им токмо внезапный огонь страха исполнь» (Прем. 17: 6) [9]. В переложении Жуковского: «И лишь один невыразимый, / Самогорящий, страха полный огонь / Пред ними вдруг воспламенялся» [2. С. 264]. Откуда взята выразительная деталь — что огонь, являвшийся египтянам, был «самогорящим»?

Церковнославянский перевод данного места восходит к латинскому тексту Вульгаты, с которого в конце XV в. был сделан перевод книги Премудрости в Геннадиевской Библии. При работе над Острожской и затем Елизаветинской Библией он исправлялся по греческому оригиналу [23], но недостаточно последовательно, и в 17 главе сохранилось соответствующее Вульгате чтение «внезапный огонь» — «*subitaneus ignis*» [24]. Французский перевод Леметра де Саси также делался с Вульгаты. Зато при переводе книги Премудрости на немецкий язык М. Лютер и его помощники опирались на оригинал, поэтому в немецком тексте (Прем. 17: 6) чтение соответствует греческому: «*selbstbrennendes Feuer*» — «*αὐτομάτη πυρὰ*» («самогорящий огонь»). Именно на немецком тексте и основывался Жуковский (греческий был ему недоступен из-за недостаточного знания этого языка).

Примечательно определение, которое он дает «самогорящему огню», называя его «невыразимым». Употребляя этот знаковый для «философии Лалла Рук» эпитет в «Египетской тме», Жуковский подчеркивает античность поэтики своего стихотворения: мир «Египетской тмы» — полная антитеза миру «философии Лалла Рук». В «философии Лалла Рук» изображено «присутствие Создателя в созданье» [4. С. 130]. В «Египетской тме» — отсутствие Создателя в созданье. Причина этого отсутствия заключается не в том, что Творец отвернулся от своего творения, а в том, что творение отвернулось от своего Творца и погрузилось во мрак безверия, страха и уныния.

Что же подвигло Жуковского изобразить такой пребывающий во мраке мир? Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить биографические обстоятельства, в которых создавалось его стихотворение.

Жуковский жил в это время в Германии, где поселился после женитьбы на Елизавете, дочери своего друга, немецкого художника Герхарда фон Рейтерна. 1846 год оказался тяжелым для большинства немецких земель: на него пришелся один из самых сильных климатических катаклизмов в истории Европы XIX в. Зима этого года в Германии была, по выражению Жуковского, «странной» [25. С. 252]: морозы не наступали, все время стояла пасмурная и промозглая погода с сильными ветрами.

Затем разразилось крайне засушливое, мучительно жаркое лето. Отсутствие дождей и начавшаяся еще в 1845 году «картофельная болезнь» (фитофтороза) уничтожили большую часть урожая. Резко поднялись цены на продовольствие. Тревожные новости приходили из-за границы. Англия, Франция, Голландия, как и Германия, пострадали от засухи, а в Ирландии начался страшный голод [26]. Все это стало одной из причин народных волнений, вылившихся в конце концов в революцию 1848 года.

Не миновали бедствия и Россию. В ее средней полосе весна началась рано, но затем тепло сменилось сильными заморозками и холодами, стоявшими до конца мая, что нанесло вред озимым. Лето, как и в Европе, оказалось небывало жарким. На юге началась засуха. От жары трескалась земля, трава выгорала, деревья стояли без листьев, увядших под беспощадным солнцем [27. Ч. 16. С. 151]. В средней полосе летняя жара неожиданно и резко сменилась ранними холодами и проливными дождями, затруднившими сбор урожая [Там же. С. 591–592]. Бедствия усугублялись распространением насекомых-вредителей. В западных губерниях расплодился «зеленый червь», «зарождавшийся внутри стеблей ржи», который сгубил пятую часть посевов; юго-запад пострадал от нашествия саранчи [Там же. Ч. 15. С. 164–166]. В результате многие регионы страны оказались под угрозой голода.

Новости обо всем этом, приходившие из России, тревожили Жуковского. После беседы с одним из соотечественников, навестившим его во Франкфурте-на-Майне 15 июня 1846 года, поэт записал в дневнике: «Разговор, приводящий в трепет, о бедной России. И помощи никакой. Одна верная, небесная. Но, может быть, нам за наше всеобщее развращение посылается наказание» [28. С. 286]. Из этой записи видно, что современные события Жуковский был склонен осмыслять в библейских терминах, и засуха с неурожаем, обрушившимся на Европу и на Россию «за всеобщее развращение», вполне могли напомнить поэту «казни», посланные на египтян.

Еще одна составляющая биографического контекста «Египетской тмы» связана с личными обстоятельствами Жуковского. Зимой 1845–1846 годов пошатнулось его здоровье. Поэта мучали слабость, сердцебиение и другие немоции. Но самым страшным было то, что резко и необратимо ухудшалось зрение. В январе 1846 года Жуковский записал в дневнике: «надобно заранее готовиться к слепоте; помоги Бог переносить ее: это заживо смерть» [Там же.]. Надеясь обмануть недуг, он принялся разрабатывать специальную картонную «машинку» для письма, которая позволила бы ему писать вслепую. Ужас перед непроницаемой темнотой, обступающей человека со всех сторон, стал для Жуковского автопсихологическим мотивом.

Столь же выстраданным для поэта был и мотив темноты не внешней, а внутренней. С 1845 года он чувствовал эту внутреннюю темноту,

переживая упадок творческих сил. Литературные занятия его были «как будто разбиты параличом» [29], главный труд этого времени — перевод «Одиссеи» не продвигался «вперед ни на шаг» [30. С. 560]. В марте 1846 года в той же тетради, в которой позже появится черновой автограф «Египетской тмы», Жуковский сделал полную трагизма запись: «Окамененность и рассеяние мною владеют. Воля моя бессильна. Вместо веры одно только знание, что вера есть благо верховное и что я не имею сего блага. Молитва моя одно мертвое рассеянное слово. Ум без мысли. Сердце без любви. Одна рука Твоя, Господь-Спаситель, <...> может извлечь меня из сей бездны: прости ко мне Твою руку, посети мою душу Твоим Святым Духом» [28. С. 286]. Этой записи вторит другая, сделанная шестью месяцами позже 2 (14) октября 1846 года во время подготовки к причащению. В ней Жуковский, вновь сокрушаясь о своем «бедственном состоянии сухости, маловерия и бесчувственности», спрашивает самого себя: «Что в таком случае делать? Какою сталью выбить искру, зажигательную и осветительную, из камня сердца?» [Там же. С. 288]. Как видим, свою внутреннюю жизнь Жуковский описывает в терминах тьмы и света, столь близких поэтике «Египетской тмы» — нужен огонь, чтобы осветить изнутри душу, и огонь этот может возжечь только Бог.

Драматически автобиографичен и столь важный для «Египетской тмы» мотив мучительного и беспричинного ужаса: картина подобных переживаний разворачивалась у Жуковского перед глазами. Вторую половину июля и август 1846 года он вместе со своей женой провел в расположенном неподалеку от Франкfurта-на-Майне курортном городке Швальбахе, где старался поправить здоровье минеральными ваннами. Изнурительная жара и испуг от случившегося здесь землетрясения стали толчком для развития у его супруги тяжелой нервной болезни, выражавшейся в приступах депрессии, тоски и страха. «Моя бедная жена тяжело страдает <...>, — описывал Жуковский ее состояние в письме А.П. Елагиной. — Физическая тоска душит ее и производит в ней беспрестанный страх смерти; при этом страдания самые несносные, все убивающая, нравственная грусть вытесняет из ее головы все прежние мысли и из ее сердца все прежние чувства. <...> Моя бедная жена худа, как скелет; и ее страданиям я помочь не в силах; против черных ее мыслей нет никакой противодействующей силы; воля тут ничтожна; рассудок молчит» [30. С. 560—561]. Болезнь Елизаветы, оказавшаяся хронической, навсегда разрушила семейное счастье. Первое столкновение с этим недугом в конце лета — начале осени 1846 г. должно было особенно поразить Жуковского и напомнить ему об описанных в 17 главе книги Премудрости египтянах, томимых «тяжелым ужасом» и печалью. Именно второй половиной лета — началом осени 1846 года, судя по расположению чернового автографа в рабочей тетради Жуковского, и датируется «Египетская тма» (ее текст следует сразу за набросками «Повести о войне Троянской», начатыми 18 июля 1846 года).

Таким образом, и жизненные обстоятельства Жуковского, и близость образов и мотивов 17 главы книги Премудрости образам и мотивам его лирики 1810–1820-х годов обусловили интерес поэта к этой библейской книге и определили специфику ее стихотворного переложения.

Литература

1. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. Второй полутом: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примечания Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М., 2016.
2. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4 / Сост. и ред. А.С. Янушкевич. М., 2009.
3. Kealy S.P. The Wisdom books of the Bible: Proverbs, Job, Ecclesiastes, Ben Sira, Wisdom of Solomon: a survey of the history of their interpretation. — Lewiston, Queenston, Lampeter, 2012. P. 7.
4. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2 / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2000.
5. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13 / Сост. и ред. О.Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 132–133.
6. Der Briefwechsel zwischen Alexandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij (1802–1829) / Herausgegeben, kommentiert und eingeleitet von Holger Siegel. Köln, Weimar, Wien, 2012. S. 430.
7. Cheon S. The Exodus Story in the Wisdom of Solomon: A Study in Biblical Interpretation. Sheffield, 1997. P. 68–76.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. (Синодальный перевод). М., 1991.
9. Библия, сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Т. 2. М., 1751].
10. La Bible. Traduction de la Vulgate, par Le Maistre de Sacy. Т. 1–3. Paris, 1834–1835.
11. Die Heilige Schrift. In richtiger Übersetzung mit kurzen Anmerkungen. Bd. 2. Frankfurt a/M, 1819.
12. Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta interpretes edidit A. Rahlfs. <Stuttgart>, <1994>.
13. РНБ. Ф. 286. О. 1. № 52 (Жуковский В.А. Рабочая тетрадь, 1842–1846).
14. РНБ. Ф. 286. О. 2. № 6 (Копии стихотворений В.А. Жуковского «Египетская тма», «К русскому великану», «Четыре сына Франции»).
15. Словарь Академии Российской. Ч. IV. СПб., 1793. Стлб. 446.
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. III. С. 331.

17. Жуковский В.А. Египетская тма (опыт подражания Библейской поэзии) // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 188 (первая пагинация).
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М., 2006. С. 181.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1990. Т. 1. С. 271.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / Пер. с нем. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. Изд. 2-е. М., 1986. С. 546.
21. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5. С. 112—113.
22. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. С. 115.
23. Чистович И.А. Исправление текста славянской Библии перед изданием 1751 г. // Православное обозрение 1860. Т. II. С. 42—44.
24. Biblia sacra iuxta vulgatam versionem. Adiuuantibus B. Fischer, I. Gribomont, H.F.D. Sparks, W. Thiele. Recensuit et brevi apparatu critico instruxit R. Weber. Editionem quartam emendatam cum sociis B. Fischer, H.I. Frede, H.F.D. Sparks, W. Thiele. Preparavit R. Gryson. <Stuttgart>, <1994>.
25. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. Т. XIII / Сост., подг. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.—Киев, 2009.
26. Журнал министерства внутренних дел 1847. Ч. 18. С. 456—458.
27. Журнал министерства внутренних дел 1846.
28. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 14 / Сост. и ред. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М., 2004.
29. Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 8-е. / Под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1885. Т. 6. С. 519.
30. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813—1852. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М., 2009.

Новосибирский государственный университет

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-24-08001